

Однако самой прибыльной отраслью оставалась добыча алмазов. Ангола входила в пятёрку крупнейших производителей алмазов в мире, с общими запасами около 370 миллионов карат и ежегодной добычей в 8 миллионов карат*. Большая часть запасов сосредоточена на северо-востоке плато, и свыше 50% здешних алмазов обладают ювелирной ценностью, включая редкие цветные разновидности — голубые, красные, зелёные. Поскольку гражданская война в стране закончилась недавно, а добыча слабо регулируется, сюда стекаются толпы нелегальных старателей.

Ангольцы называют это плато «Лунда» — в честь независимого и гордого коренного народа.

Грузовик проезжал мимо деревень. Жёлтая земля, пожухлая трава — ни намёка на свежую, радующую глаз зелень. Всё вокруг было грязно-жёлтым, серо-зелёным, буро-зелёным. Мусор валялся под ногами, словно засохшие плевки. Зловоние от животных, смешанное с жарой, бродило, как невидимая бомба, готовая рвануть в любой момент. Прачки на берегу хохотали грубым, разбитым смехом. Дети гнали стадо чёрных коров, и копыта поднимали тучи жёлтой пыли, окрашивая траву, машины и людей в густой, неистребимый цвет куриного помёта.

Се Цюци предпочёл закрыть глаза и, прислонившись к борту, попытаться отдохнуть. Первозданная земля. Место, где работоторговля длилась три столетия. Каждую секунду этой жизни следовало ценить.

Они ехали с рассвета до заката и наконец достигли цели при свете луны.

Не то бункер, не то убежище за одиноким холмом, наполовину изуродованное взрывами, наполовину ещё способное укрыть от ветра и дождя. Овчарка загнал их внутрь. Вдоль стены была сложена высокая нарка, на которую бросили два десятка потрёпанных ватных одеял — от них несло сыростью и тленом. На стене тускло горела масляная лампа, облепленная мошкаррой. Солдат снял её, чтобы долить масла, и раздавил пригоршню насекомых.

— Ну вот, детки, ваш новый дом, — провозгласил Овчарка с притворной улыбкой. — Можете отдохнуть, перекусить, попить. Хорошо? Но ведите себя тихо, не шумите и не плачьте, лучше поспите. Завтра рано вставать.

Его английский с тяжёлым акцентом вряд ли кто понял. Но ему было всё равно — казалось, он и не рассчитывал, что его поймут.

Женщина с едой внесла два ведра — с белым хлебом и водой сомнительной чистоты. Поставив их, она молча вышла, не забыв запереть железную дверь на замок.

Се Цюци проспал всю дорогу и теперь чувствовал себя относительно бодро, хотя голод давал о себе знать. Увидев хлеб, он первым шагнул к ведру. Из двадцати человек лишь он один проявил инициативу — остальные новички боялись пошевелиться, словно еда была отравлена.

Только Чжэн Кэ перехватил его руку:

— А вдруг есть нельзя?

Се Цюци уже отламывал корку:

— Убить хотели — пристрелили бы ещё в порту. Травить еду — лишние хлопоты. Вроде нормальный, попробуй.

Он поднёс кусок ко рту Чжэн Кэ. Тот машинально открыл рот и, проглотив, лишь тогда

осознал, что сделал.

Другой, посмелее, уже подошёл и схватил два ломтя. После этого все кинулись к ведру. Они не ели больше тридцати часов и дрались за еду, как голодные псы.

Пить приходилось из ведра, зачёрпывая руками, а некоторые и вовсе припадали к краю, чтобы напиться.

Се Цюци отступил, чтобы выбрать место, и сел поближе к лампе. Чжэн Кэ пристроился рядом. В бункере было прохладно, и, заметив, что Се Цюци легко одет, он снял свою куртку и накинул ему на плечи.

Се Цюци обернулся и улыбнулся:

— Не надо, одень сам. Не простудись, барин.

Чжэн Кэ тоже усмехнулся:

— Кто знает, доживём ли до завтра. Может, эта куртка уже завтра твоя будет.

Он намекал, что может не пережить ночь, и тогда куртка достанется Се Цюци.

Тот на мгновение замер, внезапно почувствовав, что этот молодой человек не так прост.

— С тобой ничего не случится, будь спокоен.

Чжэн Шихуа не посмел бы убить Чжэн Кэ — сделал бы это ещё в кабинете.

Чжэн Кэ сделал вид, что пожал плечами с лёгкостью:

— Знаешь, о чём я сейчас подумал? Летом отец заставлял меня ездить на военные сборы. Десяток вонючих мужиков в одной комнате, две недели без душа, питание — баланда. Условия — примерно как здесь. Не думай, что я, богач, от жизни в шоколаде.

Се Цюци фыркнул:

— Богатые сами ищут, где поглубже.

Чжэн Кэ вдруг стал серьёзен:

— Прости.

Се Цюци не понял.

— За то, что из-за моей семьи, из-за меня тебя втянули в эту историю, чуть не убили и отправили в такую дыру. Хотя и не нарочно, но это всё равно наша ответственность. — Чжэн Кэ сжал его руку.

Се Цюци покачал головой:

— Мне просто не везёт по жизни.

Чжэн Кэ хотел спросить, что с ним было раньше, но решил, что они ещё не настолько близки, чтобы лезть в душу. На него накатила странная тоска. Они прошли через столько вместе, но

между ними всё ещё висела невидимая преграда.

— И где мы, интересно? Как думаешь, зачем Чжэн Шихуа отправил нас именно сюда?

— Твой дядя — псих, а психи мне не понятны.

— Наша семья несколько лет назад заключила соглашение о совместной добыче с государственной горнодобывающей компанией Анголы. Мы предоставляем технологии, они — добычу. Думаю, это может быть одна из таких точек. Чжэн Шихуа прислал меня сюда, чтобы помучить, напугать, чтобы я, не выдержав, сам отказался от наследства в его пользу. Интересно, кто эту дурную идею подкинул. Спрятать меня в африканской глуши — надо быть гением, чтобы на такое решиться. — Чжэн Кэ горько усмехнулся.

Никто не ожидал, что «трудовое перевоспитание» обернётся продажей в шахту.

Се Цюци кивнул в сторону людей у ведра:

— А они зачем?

Чжэн Кэ не был расположен думать о других.

— Чжэн Шихуа отправил тебя на перевоспитание, меня — за компанию, ладно. Но эти тоже на перевоспитание? — сказал Се Цюци. — Они похожи на тех, кого привезли насильно. Некоторые с первого взгляда — никогда физически не работали. Сомневаюсь, что умеют руду добывать. Представь: ты владелец рудника. Ты возьмёшь опытных инженеров или зелёных новичков?

— Хочешь сказать, Чжэн Шихуа тайно торгует людьми?

— Не только. Этот рудник выглядит легальным? По дороге сюда мы не видели ни лицензий, ни знаков техники безопасности. Полная изоляция, оборудование древнее, ни вентиляции, ни нормального освещения, ни свободы передвижения. Да и рабочие все — нелегалы. Типичная чёрная шахта. Ваша семья заключала с Анголой соглашение, но вряд ли оно подразумевало такое.

Чжэн Кэ аж присвистнул:

— Ангольская армия жёстко пресекает нелегальную добычу. Поймают — или на месте расстреляют, или запросят баснословную взятку. Чжэн Шихуа, должно быть, подкупил местных военных, чтобы добывать алмазы втихую, да ещё и людьми торговать. Если это вскрыется, репутация семьи Чжэн будет уничтожена!

Се Цюци сделал знак говорить тише:

— Нелегальная добыча — это полбеды. Торговля людьми — преступление серьёзное, да и риск огромный. Мне вот интересно, зачем вообще Чжэн Шихуа этим занимается.

— Без рабской силы его чёрные шахты как работать будут?

— Ещё вопрос, его ли это шахты. Поставки, логистика, сбыт — Чжэн Шихуа в одиночку всю цепочку не потянет, надорвётся, не успев денег заработать. Скорее всего, он в доле с кем-то и отвечает лишь за одно звено.

Чжэн Кэ до такого не додумался:

— Тебе бы о нём беспокоиться. Давай лучше о себе подумаем.

Се Цюци ответил обстоятельно:

— Чтобы свалить Чжэн Шихуа в Макао, нужны доказательства. А доказательства — это его чёрная цепочка. Это твоё оружие. Из Африки мы, конечно, уедем. Но как уедем и что нужно успеть сделать перед этим — вот что надо продумать.

— Ты уже строишь планы побега? — в голосе Чжэн Кэ дрогнула надежда.

<http://bllate.org/book/15957/1426759>